

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АЗИИ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

*К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА
КОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1966

В. М. Жирмунский

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ТЮРКСКИХ ДИАЛЕКТОВ

На V Совещании по вопросам диалектологии тюркских языков в Баку (5—8 октября 1965 г.) принято было решение приступить к работе над Диалектологическим атласом тюркских языков Советского Союза. В течение 1966 г. должна быть подготовлена пробная анкета, содержащая 50—60 вопросов, результаты которой после камеральной обработки будут опубликованы как «пробный атлас», который может послужить как бы экспериментальной основой для систематического картографирования в большом масштабе.

Нет необходимости в настоящее время останавливаться на том, какое большое значение будет иметь создание такого атласа не только для уточнения различительных признаков современных диалектов, но и для сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, для их генетической классификации, для истории тюркоязычных народов, создателей и носителей этих языков¹. Здесь хотелось бы только коснуться некоторых общих методологических и методических проблем составления атласа, вытекающих из опыта национальных и региональных диалектологических атласов, существующих в настоящее время в достаточно большом числе как за рубежом, так и в нашей стране.

I. Приступая к собиранию материала для диалектологического атласа, мы не вправе исходить из распространенной презумпции, будто современные диалекты тюркских языков представляют замкнутые «ветви», «ветки» и «веточки» родословного древа, ответвившиеся путем последовательной дифференциации от «общетюркского» ствола по прямолинейной схеме распада

¹ См. В. М. Жирмунский, *О диалектологическом атласе тюркских языков*, — ВЯ, 1963, № 6, стр. 3—19.

на языки — наречия — диалекты и поддиалекты — местные говоры. Лингвистическая география исходит не из замкнутых, спонтанно разлившихся диалектных массивов, очерченных совокупностью различительных признаков; она строится на установлении изоглоссы как границ отдельных диалектных явлений.

Ограничимся двумя примерами.

1. Как известно, узбекские диалекты подразделяются исследователями на три основных наречия, которым давались различные названия: 1) среднеузбекское (юго-восточное, чагатайское, или карлуко-чигиле-уйгурское); 2) южнохорезмское (юго-западное, или огузское); 3) северо-западное (кыпчакское, шейбанидо-узбекское, или джекающее). Е. Д. Поливанов, первый наметивший это деление, обозначил различие между этими наречиями тремя фонетическими признаками на примерах двух слов: 1) *tag, sarьq*; 2) *daq, sarь (sa:рь)*; 3) *daq, sarь*². А. К. Боровков, сохраняя в основном то же деление, перечисляет признаки каждого наречия по отдельности. Для отграничения «шейбанидо-узбекского, или джекающего, диалекта», он приводит восемь признаков, из них два морфологических³.

В частично уточненном и расширенном списке В. В. Решетова кыпчакский диалект узбекского языка характеризуется 14 признаками (из которых четыре морфологических)⁴.

Вряд ли, однако, было бы правильно понимать указанных авторов в том смысле, будто географические границы (изоглоссы) всех перечисленных ими признаков в точности совпадают между собой. Например, из признаков кыпчакского диалекта узбекского языка (по В. В. Решетову) вряд ли джоканье (*джол < йол, джаман < йаман*) имеет одинаковую границу с вокализацией конечного или интервокального *f > [ɟ]* (*таf > тав, агыз > авуз*), или с отпадением конечного *-к* после узких гласных в аффиксах (*сарьq > сарь, кичик > кичи*), или с дифтонгическим произношением гласного *-и* в словах *ийт (ит), бийт (бит)* и т. п., или с такими грамматическими явлениями, как особые формы дательного падежа единственного числа личных местоимений *маған, саған, уған*, как причастие настоящего времени данного момента

² Е. Д. Поливанов, *Узбекская диалектология и узбекский литературный язык (к современной стадии узбекского языкового строительства)*, Ташкент, 1933.

³ А. К. Боровков, *Вопросы классификации узбекских говоров*, — «Известия АН УзССР», 5, 1953, стр. 73.

⁴ В. В. Решетов, *Узбекский язык*, ч. 1, Ташкент, 1959, стр. 59—68; В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов, *Ўзбек диалектологияси*, Тошкент, 1962, стр. 79—86.

на *-джатыр* (*-ятыр*) типа *бараджатыр* и т. п.⁵. Можно думать, что каждое из этих явлений имеет свою особую границу (изоглоссу), и даже изоглоссы для вокализации *ʀ* на конце слова и между гласными (*тав — авуз*) не должны совпадать между собой. В точности это может показать только атлас, заранее в своей анкете учитывающий эти различия.

Следует добавить, что по большинству своих признаков кыпчакский диалект узбекского языка объединяется с соседними близкородственными языками, казахским и каракалпакским, южно-хорезмские говоры — с туркменским языком и его диалектами, а центральная часть узбекских диалектов — с современным уйгурским⁶. Таким образом, изоглоссы общетюркского диалектологического атласа выходят за рамки современных национальных республик и национальных языков, указывая на более древние генетические связи между племенами и народностями, их диалектами и языками.

С исторической точки зрения эти связи для узбекского языка в наиболее четкой форме объяснил Е. Д. Поливанов. Он писал: «Следовательно, общеузбекского праязыка, как такового, никогда не существовало; узбекский язык (как совокупность говоров узбекского коллектива) возник не из дифференциации (диалектологического дробления) некогда единой (или более или менее единообразной) языковой системы, а, наоборот, путем объединения различных в языковом отношении турецких (т. е. тюркских. — В. Ж.) коллективов (на почве усвоения ими единообразной экономической характеристики, т. е. экономических признаков узбекского национального коллектива)»⁷.

Разумеется, в этом сложном процессе национальной и языковой консолидации первоначально гетерогенных этнических и языковых элементов, о котором лучше всего могут свидетельствовать диалектологические карты в сопоставлении с историческими, экономический фактор, о котором писал Е. Д. Поливанов, при всей своей важности не является единственным.

2. По сравнению с узбекским языком казахский отличается гораздо меньшей четкостью и глубиной диалектных границ. Долгое время господствовала точка зрения, будто внутри казахского языка вообще отсутствуют диалектные членения. В связи

⁵ В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов, *Ўзбек диалектологияси*, стр. 85.

⁶ В. В. Решетов, *Узбекский язык*, стр. 73—74.

⁷ Е. Д. Поливанов, *Узбекская диалектология и узбекский литературный язык*, стр. 4. Подробнее см. В. В. Решетов, *Узбекский язык*, стр. 28—41. Ср. также: А. Н. Кононов, *Грамматика современного узбекского литературного языка*, М.—Л., 1960, стр. 9—10; Н. А. Баскаков, *Тюркские языки*, М., 1960, стр. 160.

с этим, по-видимому, не случайно современные казахские диалектологи предпочитают говорить не о наречиях, а о «говорах» и «группах говоров».

В классификации этих групп между лингвистами Казахстана обнаружались существенные разногласия. С. Аманжолов различал три диалекта — северо-восточный, южный и западный, к которым присоединял несколько «промежуточных», или «переходных», групп («переходные» группы всегда являются свидетельством расхождения изоглосс диалектных явлений, которые, вопреки неправильной теории, часто не совпадают между собой). Различительными признаками служит у него, как и у остальных авторов, сложная совокупность фонетических, морфологических и лексических явлений⁸.

Ему возражает Ж. Доскараев, который устанавливает две большие группы говоров — юго-восточную и северо-западную. Третью группу, частично соответствующую северо-восточной у Аманжолова, он относит к «переходным» говорам⁹.

Н. Сауранбаев в основном придерживался двучленной классификации Доскараева¹⁰. Однако в статье, написанной совместно с Ш. Сарыбаевым, он возражает против географических границ этих говоров, установленных преимущественно на основании их фонетических особенностей: «...такая классификация не оправдывается с точки зрения лексических и грамматических особенностей. Грамматические формы *баражақ* 'должен идти', *барулы* 'поехал', 'пошел', *баражатырған* 'шедший' и др., присущие западным областям Казахстана, не отмечены в Карагандинской и Семипалатинской областях. А в классификационной схеме Западно-Казахстанская область отнесена вместе с Карагандинской к одной группе говоров»¹¹. Пример этот сам по себе очень характерен: он показывает, что группы изоглосс, на которых строится единство диалекта, фактически не совпадают между собой.

В своей последней статье Ш. Сарыбаев возвращается, с некоторыми модификациями, к трехчленной классификации Аманжолова и к его терминологии. Он различает три группы: южную (соответствующую юго-восточной у Доскараева и Сауранбаева),

⁸ С. Аманжолов, *Вопросы диалектологии и истории казахского языка*, ч. 1, Алма-Ата, 1959, стр. 169—349. См. карту диалектов казахского языка, там же, стр. 351.

⁹ Ж. Д. Доскараев, *Некоторые вопросы диалектологии и истории казахского языка*, — ВЯ, 1954, № 2, стр. 83—92.

¹⁰ Н. Т. Сауранбаев, *Диалекты в современном казахском языке*, — ВЯ, 1955, № 5, стр. 43—51.

¹¹ Н. Т. Сауранбаев и Ш. Ш. Сарыбаев, *К изучению казахских диалектов*, — «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», Алма-Ата, 1958, стр. 14—15.

западную (лишь частично совпадающую с северо-западной у тех же авторов) и центрально-северную (которая в большей своей части покрывается северо-восточным диалектом Аманжолова). Первая группа, по словам автора, характеризуется (очевидно при сопоставлении с литературным языком?) своими фонетическими и грамматическими особенностями, вторая — прежде всего своими специфическими грамматическими формами, третья — своей лексикой. «В фонетическом отношении центрально-северная группа говоров больше приближается к западным группам, чем к остальным, а в грамматическом отношении — к восточным группам говоров»¹². Это обстоятельство также свидетельствует о том, что изогlossы отдельных различительных признаков диалектных групп перекрещиваются между собой.

Из сказанного видно, что споры, которые велись между казахскими диалектологами по вопросу о разграничении основных диалектных групп, в сущности были вызваны разногласиями в вопросе, какую изогlossу или группу изогloss считать а б с о л ю т н о й г р а н и ц е й д а н н о г о д и а л е к т а. Такая точка зрения могла бы быть оправдана только в том случае, если «группа говоров» представляла собой самостоятельное наречие, «ответившееся» от общекзахского языка. Между тем методика атласа несомненно покажет нам большое число расходящихся и перекрывающихся изогloss отдельных диалектных явлений, лежащих в основе различных возможных группировок и отличающихся друг от друга по своему географическому происхождению и относительной хронологии.

Было бы преждевременно до завершения картографирования всех соответствующих различительных признаков настаивать на том, где именно эти признаки объединяются в наиболее плотные пучки. Но еще более преждевременны и малоубедительны попытки исторического обоснования тех или иных группировок путем отождествления их с древним родоплеменным делением казахского народа или с более поздним их политическим объединением в рамках Большой, Средней и Малой орды, как это в свое время пытался сделать Аманжолов. По справедливому критическому замечанию Н. Сауранбаева, «смешение и слияние различных племен и родов, сложение их в единую народность, а также дальнейшее развитие этой народности в условиях весьма подвижного скотоводческого хозяйства не могли не привести к растворению, ассимиляции прежних родо-племенных диалектов»¹³.

¹² Ш. Ш. Сарыбаев, *К вопросу о диалектном членении казахского языка*, — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III, Баку, 1963, стр. 45—53.

¹³ Н. Сауранбаев, *Диалекты в современном казахском языке*, стр. 44.

Во всяком случае лишь сопоставительное изучение изоглосс будущего атласа позволит нам с некоторой вероятностью судить о возможной древности тех или иных диалектных границ, притом не в их совокупности, а при условии дифференцированного рассмотрения их географии и хронологии.

II. Другим существенным выводом из работы над лингвистическими атласами является наличествующая во многих случаях неравномерность лексического охвата в пределах фонетического или морфологического ряда, выпадение отдельных слов из общих географических границ данного ряда, индивидуальные изоглоссы отдельных слов, идущие своими особыми путями¹⁴. Ограничимся и здесь двумя примерами.

1. Как известно, языки казахский, каракалпакский, киргизский, а также кыпчакское наречие узбекского языка отличаются от узбекского литературного языка и его центрального наречия («чагатайского», или «карлуко-чигиле-уйгурского») так называемым джоканьем (или джеканьем), т. е. заменой начального й- > ж-, дж- [жэ-]. Ряд этот обычно иллюстрируется такими «классическими» примерами, как *джок* [жок] — *йўк*, *джол* (*жол*) — *йўл*, *джаман* (*жаман*) — *ёмон* и др. Однако уже В. В. Решетов мимоходом отметил «наличие в ташкентском говоре факультативного чередования начальных [й || дж] в таких словах, как *йур* || *джур* 'иди', *йун* || *джун* 'шерсть' и т. п.»¹⁵. В своей статье, посвященной проблемам диалектологического атласа тюркских языков, я отметил целый ряд таких слов, вошедших в состав современного узбекского литературного языка, например: *жун* [дж-] 'шерсть', *жилов* 'поводья', *жар* 'овраг' (улица «Жар-куча» в Ташкенте в старом городе!), *жилмоқ* 'двигаться', *жилдирмоқ* 'двигать', *жайналмоқ* 'цвести' и некоторые другие¹⁶.

В настоящее время узбекский диалектолог К. Данияров (Самарканд), занимающийся вопросом о кыпчакских элементах в литературном узбекском языке, познакомил меня с целым списком таких слов (около пятидесяти), который он любезно составил по моей просьбе. Сюда относятся, например: *жиян* 'племянник, -нца' (каз. *жиен*, кирг. *жээн* — др.-тюрк. *jägin* 'племянник', 'внук'); *жағ* 'челюсть', 'щека' (каз. *жак*, кирг. *жаак* — *жарак* 'щека' МК); *йилға* || *жилға* 'ручей (в овраге)'; *жийрон*

¹⁴ В. М. Жирмунский, *Немецкая диалектология*, М.—Л., 1956, стр. 116—118, 122—127.

¹⁵ В. В. Решетов, *Узбекский язык*, стр. 36.

¹⁶ В. М. Жирмунский, *О диалектологическом атласе тюркских языков СССР*, стр. 14.

‘рыжий (о лошади)’ (каз. *жирен* — др.-тюрк. *jegrän*); *жўнамоқ* ‘отправляться’, *жўнатмоқ*, *жўнашмоқ* (кирг. *жөнөө-*, *жөнөт-*, *жөнөш-*, каз. *жөнелу*, *жөнелту* — тат. *юнәлу* ‘направляться’); *жилмоқ* ‘двигаться’ (каз. *жылжу*, кирг. *жылжы-* — *jil-* чагат., *jyl-* алт. и др. ‘скользить’, ‘извиваться’, ‘ползти’; см. Радл. III, 481, 518; отсюда узб. *йилон* ‘змея’, по *жилон жууда* ‘зменная джууда’ — каз., кирг. *жылан* и ряд других)¹⁷.

Наличие в узбекском языке большого числа слов арабского и персидского происхождения, содержащих фонему *дж-* [ʤ], сделало вполне возможным проникновение в его состав отдельных слов с «кыпчакской» аффрикатой. Можно было бы подумать, что это проникновение относится к сравнительно недавнему времени, однако Г. Ф. Благова, работающая в области «чагатайского» (староузбекского) литературного языка, обратила мое внимание на статью акад. А. Н. Самойловича, затерянную в малодоступном издании¹⁸, в которой 13 слов с начальным *дж-* засвидетельствованы им для «чагатайского» периода по показаниям словаря «Абушка»¹⁹, «Бабур-наме», «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха, Абулгази и других источников.

Приведем примеры А. Н. Самойловича (стр. 13), сохраняя его транскрипцию (*ç=дж*):

1) **çөр** ‘правильный’, ‘верный’, ‘соответствующий’: Аб. 246, Баб., Шб. (Радл. IV, 103) — *jön* алт. и др. (Радл. III, 454);

2) **çыб-** ‘плач’ ‘стенание’, ‘вопл’: Аб. 245 (Радл. IV, 116) — ср. узб. *йиғламоқ* ‘плакать’, ‘рыдать’;

3) **çum** ‘весь’, ‘всё’, ‘совсем’: Аб. 253 (Радл. IV, 175) — ср. др.-уйг. *jumby* ‘всё’, *jumut-* ‘собирать’ (Радл. III, 576—584);

4) **çar** ‘извещение’: Аб. 230 (Радл. IV, 25) — ср. *jar* алт. и др. (Радл. III, 100);

5) **çerge** ‘круг’, ‘ряд’, ‘облава’: Аб. 230 (Радл. IV, 75) — ср. *jerge* алт. (Радл. III, 341), вероятно, от *йер* ~ *жер* ‘земля’;

6) **çыдам** ‘скоро’, ‘быстро’: Аб. 242 (Радл. IV, 130) — ср. *йдам* н.-уйг. и др. (Радл. I, 1379, 1495 — с отпадением начального *j*), вероятно, от *йил* ~ *жыл* ‘год’;

7) **çылау** ‘поводья’: Аб. 242, Баб. *çilausiz* ‘без поводьев’ (Радл. IV, 145) — ср. каз. *жылау*, кирг. *жылоо*;

8) **çусун** ‘часть’: Аб. 248.

¹⁷ Консультациями по вопросам этимологии по материалам «Древнетюркского словаря» я обязан А. М. Щербаку.

¹⁸ А. Н. Самойлович, *Элементы диалекта «джоқчи» в литературном чагатайском языке*, — «Научная мысль», вып. 1, Самарканд—Ташкент, 1930, № 1, стр. 11—14.

¹⁹ «Словарь джагатайско-турецкий», изданный В. В. Вельяминовым-Зеровым, СПб., 1868. — Словарь составлен в середине XVI в., в основном по сочинениям Алишера Навои.

Следующие два номера по списку А. Н. Самойловича отпадают, так как арабская буква ç обозначает здесь не *дж*, а *ч*²⁰; 9) *çyrke* 'чирок': Аб. 250 (надо *cyrke*) — ср. каз. *шүрегей*, карк. *шүреней* (Радл. III, 2194 *çüräkäi* 'род уток');

10) *cüldy* 'награда', 'подарок': Аб. 252 (надо *culdu*, ср. Радл. III, 2178 *чулду* 'добыча', 'награда' тур., чагат.).

Еще три слова, отсутствующих в «Абушка», А. Н. Самойлович добавляет по литературным источникам:

11) *çar* 'яр', 'обрыв': Баб. (Радл. IV, 26) — *jar* (Радл. III, 99), алт., тат., тур. и др.;

12) *çau* 'враг', 'войско', 'война': Шб. неоднократно (Радл. IV, 7) — ср. *jaу* Абг., бараб., тат. и др. (Радл. III, 16);

13) *çojmaq* 'уничтожать': Шб. (Радл. IV, 92) — каз. *жою*, кирг. *жоюу* — ср. МК *jod-* 'прятать', 'собирать', 'уничтожать', др.-уйг. *jod-, joi-* (Радл. III, 397 чагат.).

Таким образом, из отмеченных нами в современном узбекском языке «джекающих» слов два, по крайней мере, — *жар* 'овраг', *жилов* 'поводья' (а может быть, и некоторые другие) наличествовали уже в староузбекском литературном языке XV—XVI вв.²¹

Отсюда вывод, обязательный для будущей анкеты диалектологического атласа: наряду с примерами на джоканье, по-видимому, «регулярными» по своим границам (*джок*, *джул*, *джаман* и т. п.), она должна включить и несколько «нерегулярных» примеров типа узб. *жун*, *жар* 'овраг' и некоторые другие. Установление границ этих явлений разъяснит их происхождение и место в истории языка.

2. Еще большую сложность в смысле лексического охвата представляет вопрос о звонком произношении смычных согласных в начальном положении. Озвончение начальных *t*, *k* считается одним из древних признаков огузского наречия. Оно было отмечено (для *ð — t*) уже Махмудом Кашгарским: «Каждое *t* гуззы и родственные им народы обращают в *d*, например: *tävä* 'верблюду' — *dävä*, *ot* 'дыра' — *od*»²². Однако, как отмечает

²⁰ Ср. об этом А. Н. Самойлович, *Элементы диалекта «джокчи» в литературном чагатайском языке*, стр. 12.

²¹ Ряд других «джекающих» слов в «Бабур-наме» приводится в неопубликованной работе Г. Ф. Благовой и Х. Д. Даниярова «Говоры „тюрков“ Узбекистана в их современных и исторических отношениях». Слово *джылау* 'поводья' следует, по-видимому, исключить из списка А. Н. Самойловича как «раннее монгольское заимствование». См. С. Brockelmann, *Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens*, Leiden, 1954, S. 36 (прим. 3).

²² См. С. Brockelmann, *Mahmud al-Kašgari über die Sprachen und Stämme der Türken im 11. Jahrhundert*, — «Körösi Csoma Archivum», I, 1, Budapest, 1921, S. 39.

Рясянен, «большая путаница в этом вопросе наблюдается даже в юго-западных тюркских языках»²³. В статье В. М. Иллича-Свитыча, написанной на широкой сравнительно-грамматической основе, вопрос этот ставится на материале огузских языков (турецкого, гагаузского, азербайджанского, туркменского) в сопоставлении с тувинским и карагасским²⁴. В таблицах слов, приведенных автором²⁵, в 28 случаях все огузские языки совпадают между собой. Например, тур., аз., туркм. *dağ* 'гора'; тур., аз., туркм. *duman* 'туман'; тур., аз., туркм. *dil* 'язык'. Зато в других 36 случаях совпадение отсутствует, причем *t*-сохраняется то в одном, то в двух из названных языков. Ср. тур. *taş* 'камень' — аз. *daş*, туркм. *dāš*; тур. *tuz* 'соль' — аз. *duz*, туркм. *dūz*; аз. *tān* 'равный' — тур. *denk*, туркм. *deŋ*; аз., туркм. *tik-* 'шить' — тур. *dik-*; тур., туркм. *tün* 'вечер', 'ночь' — аз. *dünän*; тур. *ter* 'пот', аз. *tär* — туркм. *där* и ряд других. Пестрота эта еще увеличивается, если от литературных языков обратиться к диалектам, где расхождения в лексическом охвате озвончения очень значительны и могут быть показаны только методом изоглосс. В списке В. М. Иллича-Свитыча диалектные отклонения представлены лишь малым числом примеров: ср. тур. *tün* — *dün*, аз. *diş* 'зуб' — *tiş*, туркм. *düş-* 'падать' — *tüş-* и др.

Напомним, что начальное *d*- вместо *t*-спорадически встречается в некоторых языках, которые не причисляются к огузским, например: тат., бапк. *dürt* 'четыре' (ср. туркм. *düört*, тур. *dört*, аз. *dörd* — узб. *myrm*, каз., кирг. *topm*) и некоторые другие²⁶.

Автор пытается внести в эти несоответствия некоторый порядок, исходя, вслед за Рясяненом и рядом других тюркологов²⁷, из закономерных фонетических отражений трех, а не двух обще-тюркских (и общеалтайских) переднеязычных фонем *t*, *d*, *ð* (глухой, звонкий и полувзвонкий). Однако с точки зрения лексического распределения этих соответствий по языкам и диалектам он сам вынужден признать, что они «сейчас затемнены в результате действия аналогии и межплеменных смещений»²⁸.

Иными словами, границы лексических отражений этих фонем

²³ М. Рясянен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., 1955, стр. 133 (прим.).

²⁴ В. Иллич-Свитыч, *Алтайские денальные: t, d, ð*, — ВЯ, 1963, № 6, стр. 37—56.

²⁵ Там же, стр. 38—42.

²⁶ См. М. Рясянен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, стр. 138.

²⁷ Там же, стр. 141.

²⁸ В. М. Иллич-Свитыч, *Алтайские денальные: t, d, ð*, стр. 43.

требуют каждый раз специального изучения, и в еще большей степени, чем в случае с «джоканьем», анкета должна учитывать, наряду с «регулярными» случаями, также примеры на случаи «нерегулярные».

Только атлас, позволяющий сопоставить ряд закономерных и индивидуальных изоглосс, покажет, имеем ли мы основание за каждым лексическим отклонением видеть результат этнического смещения древних огузов и кыпчаков или контактного взаимодействия более раннего или более позднего времени.

Составленные по этим принципам анкеты атласа позволяют, таким образом, установить: 1) географические границы (изоглоссы) отдельных фонетических и грамматических явлений, которые в своей совокупности, далеко не всегда совпадая между собой, характеризуют различия диалектов или говоров; 2) в ряде случаев также индивидуальные границы слов, выпадающих из закономерной системы фонетических и грамматических соответствий данного диалекта.

Чтобы обеспечить максимальную дифференцированность всей этой совокупности различительных признаков, необходима достаточно густая сеть опорных пунктов опроса, иначе отдельные существенные отклонения от традиционно понимаемого диалектного единства не будут уловлены при картографировании.

Вопросы географии слов (*Wortgeographie*) требуют более специального рассмотрения. Скажем только, что в этом случае могли бы оказать помощь и диалектологические словари, если бы по отношению к диалектным синонимам они освоили технику систематического опроса на местах, практикуемую некоторыми немецкими областными словарями (например, гессен-нассауским, рейнским и др.)²⁹. Такой опрос позволил бы снабдить соответствующие словарные статьи небольшими картами или упрощенными схемами, позволяющими уточнить географическое распространение конкурирующих на данной территории диалектных синонимов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Названия языков: **аз.** — азербайджанский, **алт.** — алтайский (и родственные диалекты), **бараб.** — барабинский, **башк.** — башкирский, **др.-тюрк.** — древнетюркский, **др.-уйг.** — древнеуйгурский, **каз.** — казахский, **карк.** — каракалпакский, **кирг.** — киргизский, **н.-уйг.** — новоуйгурский, **тат.** — татарский, **тур.** — турецкий, **туркм.** — туркменский, **чагат.** — чагатайский (староузбекский), **узб.** — узбекский.

Названия источников: **Аб.** — словарь «Абушка», **АбГ.** — Абулгази, **Баб.** — Бабур-наме, **Шб.** — Шейбани-наме; Радл. I—IV — В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, тт. I—IV, СПб., 1893—1911.

²⁹ См. В. Жирмунский, *Немецкая диалектология*, стр. 100.